

Глава 1

Тусклое зимнее солнце на небе цвета потертого пятицентовика потерпело неудачу в своей тщетной попытке согреть ноябрьский утренний воздух. Даже в шерстяном пальто я дрожала от холода. Моя чарльстонская кровь не привыкла к редким волнам ледяного воздуха, что время от времени обрушиваются на Священный Город, чтобы в очередной раз напомнить нам о том, почему мы предпочитаем жить в этом прекрасном городе, чьи жители — и живые, и мертвые — сосуществуют подобно свету и тени.

Рывком открыв дверь в кафе «Сити Лайтс» — наперекор ветру у меня за спиной, грозившему захлопнуть ее снова, — я вошла внутрь. Оглядевшись по сторонам, я заметила Джека за столиком у окна. Перед ним уже стоял латте с дополнительной порцией взбитых сливок и внушительных размеров булочка с корицей. Мгновенно заподозрив недоброе, я осторожно приблизилась к столу.

— Что тебе нужно? — спросила я, указав на латте и булочку с корицей.

Он поднял на меня пронзительно-голубые глаза, которые я последние шесть месяцев своей жизни упорно старалась не замечать. Его невинный взгляд наверняка

вынудил бы меня улыбнуться и закатить глаза, если бы не застарелый страх, который преследовал меня на всем пути от моего дома на Трэдд-стрит до Маркет-стрит.

Это было довольно сильное чувство; я даже на пару мгновений задержалась перед входом в кафе в надежде определить, что же это такое. Мне очень хотелось думать, что это просто недосып, вызванный телефонным звонком в два часа ночи, после которого я так и не смогла заснуть. Это было бы вполне приемлемое объяснение, но в моем мире, где телефонные звонки от давно умерших людей не были таким уж необычным явлением, меня оно не удовлетворило.

— Доброе утро, Мелани, — весело произнес Джек. — Неужели мужчина не может просто купить красивой женщине завтрак, не ожидая ничего взамен?

Я сделала вид, будто на мгновение задумалась.

— Нет, не может.

Расстегнув пальто, я аккуратно перебросила его через спинку стула и лишь после этого села. От меня не скрылось, что все женщины в ресторане, включая седовласую даму с инвалидным ходунком за столиком у бара, не сводили глаз с Джека и с подозрительным прищуром посматривали на меня.

Да, Джек Тренхольм был слишком хорош собой, чтобы быть писателем, особенно автором исторических документальных детективов. Ему полагалось быть лысым толстячком с седой бородкой, любителем толстых водлазок, которые обтягивали бы его брюшко, с пожелтевшими от курения зубами, в которых зажата вездесущая трубка. К сожалению, как и в прочих вещах, Джек даже не пытался соответствовать этому стереотипу.

— Итак, что тебе нужно? — снова спросила я, вынув из сумочки флакон с дезинфицирующим средством для рук и пшикнув себе на ладонь. Затем я предложила флакон Джеку, но тот отрицательно покачал головой и сделал глоток черного кофе. Высыпав в свой латте два пакетика сахара, я снова посмотрела на него, о чем тут же пожалела. Его глаза были гораздо голубее, чем следовало. Их насыщенный цвет не нуждался в помощи темно-синего свитера, который был на нем в это утро. Но когда он посмотрел на меня, в его глазах что-то мелькнуло — нечто похожее на беспокойство, отчего я даже поерзала на стуле.

— Как поживает Генерал Ли? — спросил Джэк, пропуская мимо ушей мой вопрос, и, посмотрев в окно, бросил взгляд на часы.

Я проглотила кусочек булочки с корицей.

— С ним все в порядке, — ответила я, имея в виду маленького черно-белого пса, которого я вопреки моему желанию унаследовала вместе со старинным домом на Трэдд-стрит.

— Ты все еще держишь его по ночам на кухне?

Я отвела взгляд в сторону:

— Нет. Не совсем.

По лицу Джека расплылась широкая ухмылка.

— Теперь он спит в твоей комнате, не так ли?

Чтобы увильнуть от ответа, я откусила большой кусок булочки, в очередной раз раздраженная пронизательностью Джека в том, что касалось меня и моих склонностей. Не сумев спихнуть Генерала Ли моей лучшей подружке Софи Уоллен, которая оказалась аллергиком, я горячо клялась всем, кто был готов меня выслушать, что я не собачница и не намерена держать животное у себя в доме.

— Он спит в ногах твоей кровати, не так ли? — Джек даже не пытался скрыть легкую издевку в голосе.

Все так же старательно избегая смотреть на него, я сделала большой глоток латте.

Джек скрестил руки на груди и с самодовольным выражением лица откинулся на спинку стула.

— Или же на подушке рядом с тобой... я угадал?

— Ну, хорошо, — сказала я, со стуком ставя чашку на стол. — Он больше нигде не желает спать, понятно? Стоило оставить его в кухне, как он тотчас начинал скулить, и когда я принесла его в свою комнату, он сел рядом с кроватью и всю ночь смотрел на меня, пока я не положила его рядом с собой. Спать на моей подушке — это целиком и полностью его идея. — Я отодвинула от себя чашку. — Но это вовсе не значит, что я его люблю и все такое прочее. Просто он показался таким... Одиноким.

Поставив локти на стол, Джек подался вперед:

— Может, мне тоже стоит притвориться, что я одинок, и посмотреть на тебя грустными щенячьими глазами. Вдруг из этого что-то получится?

Я пристально посмотрела на него, стараясь подавить предательское волнение в области живота.

— В конечном итоге ты оказался бы в ящике на кухне.

Я отодвинула пустую тарелку и сделала знак официантке.

Джек улыбнулся и покачал головой:

— Знаешь, в один прекрасный день эти калории начнут прилипать к тебе, и ты, как и все мы, простые смертные, будешь вынуждена следить за тем, что ты ешь.

Я пожала плечами:

— Ничего не могу поделать с собой. Это наследственное. Моя бабушка по материнской линии до самой своей

смерти была стройной, как тростинка, однако ела она, как полузащитник из футбольной команды.

— И твоя мать тоже?

Наши взгляды встретились, и я увидела, что он больше не улыбается.

— Откуда мне это знать? Я не видела ее больше тридцати лет.

Что не вполне соответствовало истине. Я пару раз случайно видела знаменитое сопрано — певицу Джинетт Приоло, — но только по телевизору, держа в руке пульт дистанционного управления и перещелкивая каналы. Помнится, я не смогла быстро перескочить на другой канал с канала Пи-би-эс, по которому шла какая-то постановка Метрополитен-опера. Но истина заключалась в том, что моя мать оставалась такой же стройной и красивой, какой она была, когда без оглядки бросила свою семилетнюю дочь.

Темнота, которая витала надо мной все утро, внезапно опустилась и на наш угловой столик, загородив собой свет, как будто кто-то щелкнул выключателем. К горлу тотчас подкатил комок тошноты, волосы на затылке встали дыбом. Я в панике посмотрела на Джека — интересно, заметил ли он что-то? Но нет, его взгляд был устремлен куда-то через мое плечо, и он, похоже, ничего не замечал.

— Кстати, ты очень похожа на нее. — Взгляд Джека вновь переместился на мое лицо, и тревога в его глазах тотчас сменилась раскаянием.

— О боже, Джек, как ты мог! — Я привстала из-за столика, но он взял меня за руку.

— Мелани, она сказала, что это вопрос жизни или смерти, ты же избегаешь встреч с ней и не отвечаешь на

ее телефонные звонки. Ей просто не к кому было больше обратиться.

Я огляделась по сторонам в поисках другого выхода, кроме той двери, через которую вошла. Интересно, подумала я, удастся ли мне выбежать через кухню прежде, чем меня кто-нибудь заметит? Но тут мне на плечо легла чья-то маленькая рука в перчатке. Меня тотчас ослепила вспышка света, как будто кто-то отдернул от окна штору, впуская внутрь солнечный день. Тьма мгновенно рассеялась. Легонько сжав мое плечо, она отпустила руку, но свет остался. Я же продолжала гадать, слышала ли я на самом деле в тот момент, когда тьма исчезла, вздох и шепот, или же это было лишь плодом моего воображения.

Я посмотрела в лицо женщины, которая когда-то была для меня целым миром. Тогда я была слишком мала, чтобы понимать превратности человеческой природы и то, что не всегда хочется называть кого-то мамой.

— Привет, Мелли, — сказала она приятным, мелодичным голосом. Голос этот преследовал меня в моих грезах долгие годы, пока я не подросла в достаточной степени, чтобы убедить себя, что мне больше нет необходимости его слышать.

Я поморщилась, услышав ласковое имя, которое она когда-то дала мне, — имя, которым я никому не позволяла меня называть, пока не встретила Джека. Тот упорно называл меня Мелли независимо от того, нравится мне это или нет.

Я повернулась к Джеку, и моя ярость легко обернулась против него.

— Ты ведь все это подстроил, верно? Ты знал, что я не хочу ее видеть или разговаривать с ней, но ты все равно это подстроил. Как ты посмел? Кто дал тебе право вле-

зять без спросу в чужие дела? Мало того, что это не имеет к тебе никакого отношения, я не желаю иметь с этим ничего общего, о чем не раз тебе говорила. — Я на секунду умолкла, чтобы перевести дух. Я демонстративно игнорировала присутствие матери — для меня это был единственный способ сохранить некое подобие спокойствия. — Я не желаю видеть тебя. Никогда.

Джек выгнул бровь, и я поняла: мы оба вспомнили, как я однажды уже произнесла те же самые слова. Я подалась вперед и ткнула пальцем в его обтянутую свитером грудь.

— В данный момент так оно и есть. Говорю тебе абсолютно серьезно.

Я встала, намереваясь как можно элегантнее удалиться, но вместо этого случайно задела столик и выплеснула остатки моего латте, а заодно опрокинула два высоких стакана с водой. Чтобы избежать потопа, я, пока наша официантка и ее помощник устраняли последствия стихийного бедствия, поспешила пересесть на соседний стул. Моя мать тотчас воспользовалась возможностью и пересела на мой, ловко зажав меня между собой и окном. Правда, ей пришлось лицезреть мой профиль, так как я упорно отказывалась смотреть на нее.

— Прошу тебя, не сердись на Джека. Я признаю, что воспользовалась дружбой с его матерью, чтобы уговорить его помочь мне. Амелии Тренхольм трудно сказать «нет», даже если ты ее сын.

Я знала Амелию и даже любила ее, но сей факт не уменьшил моего желания как можно быстрее покинуть кафе, лишь бы не видеть мою мать.

— Мне более тридцати лет было нечего сказать тебе, мама, — произнесла я, тупо глядя в деревянную сто-

лешницу. — И я не думаю, что с тех пор что-то изменилось. Так что если ты не возражаешь, то я пойду. В девять у меня назначена встреча с клиентами... они хотят посмотреть дома в Олд-Вилидж, и я не хочу опаздывать.

Она даже не шелохнулась, и я была вынуждена все так же созерцать темную поверхность столешницы. Я не осмеливалась смотреть перед собой, мне не хотелось видеть упрек в глазах Джека.

Моя мать сложила на столе руки — все еще в перчатках, — и я подумала: она носит их по привычке или все еще по необходимости?

— Мне нужна твоя помощь, Мелли. Дом твоей бабушки на Легар-стрит снова выставлен на продажу, и мне для его покупки нужна твоя профессиональная помощь. Все говорят, что ты лучший риелтор во всем Чарльстоне.

Лишь тогда я решилась поднять глаза. Моему взору предстали темные волосы, собранные в низкий хвост, безупречная кожа, высокие скулы и зеленые глаза, какие я всегда мечтала иметь вместо отцовских карих. Лишь тонкие лучики морщинок в уголках глаз и вокруг рта свидетельствовали о том, что она стала старше с того вечера, когда пожелала мне спокойной ночи, тогда как на самом деле должна была сказать «прощай».

— В Чарльстоне, мама, кроме меня, есть сотни других риелторов, таких же компетентных, как и я, и они охотно помогут тебе купить дом. Другими словами, нет, спасибо. Я не так сильно нуждаюсь в заработке.

К моему удивлению, мать улыбнулась.

— Ты не сильно изменилась, — заметила она.

— Откуда тебе это знать? — парировала я, желая стереть улыбку с ее лица.

Джек шумно втянул в себя воздух.

— Мелли, я знаю, что тебе больно. Я бы никогда не стал участвовать в этом, если бы считал, что твоя мать приехала сюда лишь для того, чтобы сделать тебе еще больнее. Все гораздо сложнее, и я думаю, что тебе лучше выслушать ее. Ей кажется, что тебе угрожает опасность.

Я хотела недовольно закатить глаза, но сдержалась.

— Понятно. Тогда скажи ей, что я в состоянии сама позаботиться о себе. В конце концов, я делаю это уже более тридцати лет. Кстати, я говорю не с тобой, или ты забыл?

— Мне снятся сны, — тихо произнесла моя мать. — Каждую ночь. Сны про лодку на морском дне, которую спустя много лет поднимают на поверхность. В этом есть нечто... недоброе. — Она пристально посмотрела мне в глаза. — И это нечто ищет тебя.

Горло мне как будто тотчас сжала невидимая рука.

Я тотчас вспомнила телефонный звонок, разбудивший меня прошлой ночью, и чувство страха, сопровождавшее все утро. Меня не отпускало странное ощущение, будто я провалилась сквозь тонкий лед в холодную воду. Я сглотнула, ожидая, когда ко мне снова вернется дар речи.

— Это был сон, мама. Всего лишь сон. — Я надела пальто и дрожащими пальцами попыталась застегнуть пуговицы. Увы, пальцы меня не слушались, и я оставила эту затею. — Мне действительно пора. Если тебе нужен хороший риелтор и моя рекомендация, позвони нашему секретарю Нэнси Флаэрти, и она перенаправит тебя к кому-нибудь из них.

— Я пыталась дать о себе знать после того, как уехала. Честное слово.

Я тотчас вспомнила все то, что хотела сказать ей, — все те слова, которые я репетировала, чтобы произнести,

если когда-нибудь увижу ее снова, — но теперь, когда у меня возникла такая возможность, все они как будто куда-то пропали. Вместо этого я сказала:

— Нужно было пытаться лучше.

К моему удивлению, мать встала со стула и протянула мне визитную карточку, держа ее двумя пальцами натянутой в перчатку руки.

— На, возьми мою карточку... тебе она понадобится. Это нечто ищет тебя не впервые. Но теперь ты уже взрослая и способна воспротивиться ему. — Она помолчала. — Мы не такие, какими кажемся, Мелли.

И вновь я испытала ощущение, схожее с погружением в ледяную воду, и не смогла выдавить из себя ни слова. Не сделав ни единого движения, чтобы взять карточку, я смотрела на мать. Подождав пару мгновений, она положила ее на стол и, коротко попрощавшись с Джеком, ушла, оставив в воздухе аромат орхидей и застарелой скорби.

Я вновь повернулась к Джеку, но он поднял руку.

— Знаю. Ты не хочешь говорить со мной или видеть меня снова. Я понял. Но мне кажется, тебе все-таки стоит прислушаться к матери. Ее способности медиума хорошо известны, и она знает, о чем говорит. Конечно, она может ошибаться. В конце концов, у тебя ведь тоже есть подобный дар, верно? И ты ничего не видишь, никакой опасности. Но что, если она права? Вдруг тебе на самом деле угрожает опасность? Не лучше ли заранее знать об этом?

— Почему тебя это так волнует? — Я уже собралась уходить, но Джек схватил меня за запястье.

— Гораздо больше, чем ты хотела бы думать.

Наши взгляды на короткий миг встретились, но я поймала себя на том, что не могу выдержать взгляд Джека.

Он отпустил мою руку, и я развернулась и направилась к двери. Мне не нужно было оглядываться, чтобы знать, что он взял со стола карточку моей матери и теперь осторожно кладет ее в портмоне.

Глава 2

Когда я наконец добралась до офиса «Бюро недвижимости Гендерсона» на Брод-стрит, я почти ооченела. Рывком открыв дверь — мой гнев еще не до конца остыл от холода, — я дала ей с грохотом захлопнуться у меня за спиной.

— Черт! — Наша секретарша, Нэнси Флаэрти, стояла с телефонной гарнитурой на голове. Одна ее рука лежала на бедре, в другой она сжимала клюшку для гольфа. По всей видимости, пропустив удар из-за моего шумного появления, она хмуро посмотрела на меня.

— Извини, что помешала твоей тренировке, Нэнси. В следующий раз я буду осторожнее, — пообещала я, проходя мимо нее, чтобы взять со стойки вешалку. Похоже, мой сарказм не достиг цели. Нэнси была уверена, что все разделяют ее мнение о том, что гольф непременно заменит бейсбол в роли главного национального спорта, и поэтому понимают, что ее стремление к совершенству в этой игре имеет безусловный приоритет над всем остальным. Включая ее работу. — Есть для меня сообщения?

Она даже не подняла голову, ибо все ее внимание было сконцентрировано на новом ударе.

— Только твои девять часов. Они немного опаздывают и будут здесь в девять тридцать.